

Драма вокруг комедии,

или Как в Лондоне
впервые был
поставлен
«Пигмалион»

Майкл ХОЛРОЙД

«САНДИ ТАЙМС»,
ЛОНДОН.

В 1913 ГОДУ дела Джорджа Бернарда Шоу шли не слишком хорошо как в личном плане, так и в профессиональном. Он лишился любви миссис Пэтрик Кэмбл; в театре же он, похоже, потерял контакт со зрителями и критиками, которых озадачила новая работа драматурга. Именно в этот кризисный период знаменитый актер и режиссер Герберт Бирбом Три решил поставить на сцене необычную версию «Пигмалиона». Пьесе было суждено стать одной из самых любимых работ Шоу, но в трактовке Три и миссис Кэмбл «Пигмалион», мягко говоря, не слишком напоминал произведение, вышедшее из-под пера ДБШ, как именовали драматурга.

Из-за разрыва со Стеллой (так называл миссис Кэмбл Шоу) он впал осенью 1913 года в весьма подавленное состояние. «По утрам я ужасно несчастлив», — писал он Стелле, — «Вы пробудили дремавшую во мне трагедию... Я одинок, как Господь Бог». Шоу старался скрыть от друзей, что воспоминания о ней «разрывают его на куски».

Между тем Стелла обратилась к Три по поводу «Пигмалиона», хотя и не была уверена, захочет ли Шоу, чтобы она сыграла Элизу. Вообще-то образ девушки-цветочницы из простонародья ДБШ создавал, имея в виду миссис Кэмбл. Зная, что пьеса имеет успех, Три попросил Шоу приехать в театр Его Величества и прочесть ее. Прежде чем Шоу дошел до третьего действия, Три уже решил ставить спектакль. Репетиции должны были начаться в феврале 1914 года. «Три испытывает к Вам и Вашей пьесе безграничное восхищение», — писала Шоу полная энтузиазма Стелла. — Я буду тиха, как мышка, и очень-очень послушна. Не знаю только, оправдаю ли Ваши ожидания».

«Пигмалион», комедия нравов, в основу которой положена социальная притча, — венец карьеры Шоу как комедиографа. Он любил называть пьесу сухим дидактическим экспериментом, призванным показать, как фонетика может разрушить дремучие классовые устои Великобритании, держащиеся всего лишь на показных манерах. Однако живой ритм и обаяние спектакля полюбили зрители, он оказался самым удачным «романом» Шоу с публикой. «Бессспорно, с пьесой что-то не так, если она нравится всем без исключения», — протестовал Шоу, — но пока я не могу понять, что не так».

НА ГРАНИ ПРОВАЛА

ДЕБЮТ «Пигмалиона» состоялся 16 октября 1913 года в венском театре «Хофбург». 17 октября газета «Таймс» писала, что премьера прошла «в переполненном зале» и что спектакль был «прекрасно принят зрителями, среди которых находились эрцгерцог Франц Фердинанд».

Когда через две недели спектакль перебрался на берлинскую сцену, на горизонте появилось облачко. Актер, игравший роль профессора фонетики Хиггинса, позволил себе ужасную отсебятину — предложил, чтобы ему и его ученице Элизе отвели общую спальню. По крайней мере в Лондоне, где Шоу сам участвовал в постанов-

Фото «Санди таймс», Лондон.

Бернард Шоу на репетиции
«Пигмалиона» и миссис Кэмбл в
роли Элизы.

ке, подобные шутки были бы недопустимы. Но когда в начале февраля 1914 года Шоу приехал на репетицию, он обнаружил, что в театре Его Величества царит полнейший хаос.

Известный своей рассеянностью Три приводил драматургов в бешенство. Шоу он встретил тепло, но с неподдельным недоумением. Казалось, автором «Пигмалиона» он считает себя. В голове Три рождались самые разные идеи по поводу пьесы. Предполагалось, например, очень эффектно подать сцену бала. Он обладал богатым опытом сотрудничества с другими драматургами. Его спектакли были полны выдумок и приводили в восторг поклонников. В значительной степени постановки Три зависели от импровизации, особенно когда ему не удавалось разыскать листки бумаги, на которых были записаны самые безумные идеи. Он любил облачаться в причудливую одежду и украшать себя бородой, виноградными листьями и слуховыми трубками. Образ профессора Хиггинса разочаровал Три. Чтобы сыграть его, достаточно было надеть обычный костюм и нормально изъясняться. Напрасно Три умолял автора надеть Хиггинса сильным шотландским акцентом, позволить ему извлекать на сцене нюхательный табак, вскакивать время от времени на рояль или сделать своего героя любителем портвейна — тогда он мог бы выходить из-за кулис на заплетавшихся ногах.

«Осмелюсь сказать, так или иначе спектакль будет поставлен до Рождества», — писал Шоу актеру Эдмунду Гэрни, игравшему роль мусорщика Дулиттла, отца Элизы. Чаще всего проволокки возникали из-за того, что в середине спектакля Три мог исчезнуть со сцены и появиться потом с очередной гениальной идеей — например, заполнить театр мусорщиками и цветочницами. Шоу, человек с деловым складом ума, удивлялся, что в театре Его Величества вообще удавалось что-либо ставить.

«Я не потерплю упреков в свой адрес», — с ходу заявил Три, преисполненный чувством собственного достоинства. Поэтому стоит ли говорить, как он был потрясен, когда миссис Кэмбл запустила ему туфлей прямо в лицо. Три рухнул в кресло, он был полностью деморализован, хотя актеры пытались объяснить ему, что эта выходка есть в тексте пьесы. Самое прискорбное, заметил Шоу, что Три, по-видимому, будет точно так же удивлен и уязвлен, когда эта сцена повторится в очередной раз.

СТРОПТИВАЯ ЭЛИЗА

ТЕМ временем Стелла напряженно работала над образом Элизы Дулиттл. «Для этой роли нужны недожизненная

сила и самообладание, но я уверена: Вы можете нам преодолеть все трудности и добиться успеха», — писала она Шоу. — Я сделаю все, чтобы помочь Вам, ибо понимаю, чего Вы хотите». Ее экзотический «Пигмалион» был испещрен ободряющими замечаниями: «Джои (так она называла Шоу), протягивая тебе руку... Сделаю все от меня зависящее... Твою прекрасную пьесу нужно сыграть с блеском... милый Джои».

Но Шоу вовсе не всегда был милым. Три частенько приводил его в бешенство, и драматург с сожалением замечал: «У меня не хватает духу как следует вздуть его». К Стелле он был еще более суров, полагая, что «нет такой увесистой кочерги, которая могла бы научить ее уму-разуму». И это отчасти подтверждалось отношением к нему Стеллы вне театра. Знал он и о приверженности Стеллы к экстравагантным капризам — например, она настояла на том, чтобы артистической уборной придали вид палатки и устроили ее на одном уровне со сценой.

Она то и дело строила гримасы Три, показывала язык или поворачивалась к нему спиной («Но ведь красивая спина, правда?» — кокетливо спрашивала Стелла). Кончилось все

тем, что Три, придя в ярость, с криком сбежал со сцены. Несколько дней после этого они общались только через посредника.

В действительности за строптивостью Стеллы скрывалась неуверенность. Ей никогда еще не доводилось играть в комедиях. Ничего не знала она о цветочницах Ковент-гардена (главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов, существовавший с 1661 до 1974 года. — Ред.) и в довершение всего была на целых 30 лет старше своей героини.

Шоу обращался со Стеллой так же бесцеремонно, как Хиггинс с Элизой. По крайней мере дважды она отказывалась репетировать в присутствии автора. Тогда Шоу собирал свои бумаги и объявлял, что покидает город, однако уезжал не дальше театра «Ковент-гарден» (где восстанавливал силы на опере Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры») и своего дома на улице Аделфи-террас. Отчаянные призывы остальных актеров и Три вернули его. «Я считаю Ваше бегство трусливым уклонением от ответственности и считаю бесчеловечным Ваше стремление бросить меня на милость миссис Пэтрик Кэмбл», — укорял драматурга Три.

Шоу вернулся, и Три встретил его как старого друга. Вернувшись, он с радостью начал вмешиваться во все, начиная с декораций и подбора париков до создания костюмов и оформления программ. А затем вновь начались обиды. Однажды, когда Шоу встал на колени перед Стеллой, умоляя не отклоняться от текста, она сказала актерам: «Вот где я люблю видеть авторов — у моих ног». Когда Шоу продолжил свои советы и рекомендации, она опять вспыхнула. «Ах, Джои, какой же вы дурак!» — уходя, бросила миссис Кэмбл.

Премьера была назначена на 11 апреля 1914 года. За неделю до нее исчезли два человека, что наделало много шума. Стелла писала Шоу о «множестве сердечных переживаний» и о том, что очень волнуется. Вскоре выяснилась причина волнений. Вместо того чтобы в понедельник, 6 апреля, приехать на репетицию, она отправилась в отдел записи актов гражданского состояния лондонского района Кенсингтон, где сочеталась браком с Джорджем Корнуолисом Уэстом всего через два часа после того, как последний развелся с женой. Из Лондона они отправились в трехдневное свадебное путешествие в курортный городок Танбридж-Уэлс, а вернулись в пятницу вечером к генеральной репетиции. «Конечно же, я знал о браке», — солгал Три журналистам. — И очень рад за них, но, само собой разумеется, я дал обет молчания... Уверю вас, вопреки слухам

ДА
УБЕДИМ
Т. Мейер

15

1910